

Ли Жун решительно нажал на отбой и с самым невозмутимым видом засунул телефон обратно в карман Цэнь Сяо.

Опершись одной рукой о раковину, он с усилием выпрямился и, напустив на себя непринуждённый вид, сделал шаг вперёд.

— И что же вы заказали?

Цэнь Сяо вытер руки, развернулся и, заметив порозовевшие кончики ушей Ли Жуну, не стал его поддразнивать. Он ответил размеренно:

— Свежую говядину, говядину с маринованным перцем, утиные кишки, требуху, хрустящую свинину и бинфэнь.

— И это всё? — Ли Жун озадаченно приподнял бровь.

Собеседник терпеливо пояснил:

— Я ушёл сразу, как сделал заказ. Цзянь Фу наверняка добавил ещё целую гору.

Ли Жун почувствовал, как пустой желудок предательски занял, и вздохнул:

— Есть хочется. Пошли.

— Телефон, — напомнил Цэнь Сяо.

Ли Жун похлопал по карману брюк, где отчётливо проступал прямоугольный контур:

— При мне.

Общаться с умными людьми — одно удовольствие: это экономит и время, и нервы. Он хотел уйти от скользкой темы, и Цэнь Сяо это понял, так что они оба, храня негласный уговор, переключились на новые вопросы.

Перед тем как выключить свет и выйти за порог, Ли Жун невольно оглянулся на то место, где он схватился с вором в коричневой куртке. Кровь уже вытерли, но белёсые царапины от ножа на полу остались. Он всё ещё помнил тот леденящий, почти восторженный трепет, который ощутил, вонзая лезвие в плоть рядом с чужой шеей.

В тот миг он впервые почувствовал нечто подобное: на долю секунды разум полностью отключился, уступив место мимолётному триумфу и облегчению. Когда нормы морали и правила не могут утолить жажду справедливости, человеческая природа возвращается к своим диким истокам.

«Я не должен позволять себе заходить так далеко»

Юноша взглянул на свои чистые ладони, сжал их в кулаки и, выключив свет, запер дверь, последовав за Цэнь Сяо.

Ночной ветер дунул в лицо, растрепав волосы на лбу. Ли Жун прищурился и быстро сбежал по ступеням крыльца. Путь от дома до выезда из жилого комплекса был тихим и уютным; в сумерках эта дорога настраивала на спокойную прогулку.

— Как ты узнал пароль от моего замка? — как бы между прочим спросил он.

Цэнь Сяо помолчал несколько секунд, мельком взглянул на спутника и вдруг произнёс:

— Больше никто не обливает дверь краской и не присылает похоронные венки?

Ли Жун понимающе усмехнулся. Хорошо, эту тему тот обсуждать не намерен.

Он не менее изящно принял пас:

— Давно уже нет. Десять дней ни одного уведомления о доставке, я даже начал отвыкать. На самом деле, если смотреть на вещи шире, можно воспринимать это как соболезнования от пользователей сети моим родителям.

— Рано или поздно любой хайп утихает, — отозвался Цэнь Сяо.

— Само собой, — Ли Жун безразлично пожал плечами.

Они прошли ещё немного, храня мирное молчание, как вдруг Цэнь Сяо замедлил шаг и негромко произнёс:

— Ты же понимаешь, что Цзянь Фу просто шутит? Про «за это время».

Ли Жун промолчал.

«Конечно, я понимаю. Но лучше бы это и впрямь было так быстро, потому что на самом деле это было чертовски больно, и по технике исполнения сразу чувствовался уровень первой

любви. Хотя, честно говоря, сам я тоже не особо-то и старался идти навстречу»

Он бросил взгляд на ярко светящийся фонарь — у плафона было чисто, вся мошкара куда-то исчезла.

— Когда дадут отопление? Интересно, тепло ли в общежитии Школы А.

Цэнь Сяо подхватил тему:

— Если в общежитии Школы А условия плохие, значит, во всей стране они посредственные.

— Тоже верно, — согласился Ли Жун.

Он и сам знал, что комнаты там вполне приличные — в прошлой жизни он там жил, — но сейчас приходилось нести всякую чепуху, лишь бы не молчать.

Дорожка вдоль озера была короткой, и они уже почти вышли за пределы комплекса. Тут юноша внезапно вспомнил ещё кое-что.

— Когда ты вошёл в дом... как ты меня назвал?

В тот момент он был на взводе, почти на грани срыва, но одна фраза Цэнь Сяо мгновенно его успокоила. Потому что в ту секунду он вспомнил прошлую жизнь. Ли Жун знал, что методы этого человека могут быть куда безумнее и страшнее его собственных, и потому, услышав это властное, почти нежное бормотание, он ощутил странный покой.

Вот только это обращение Цэнь Сяо раньше использовал лишь для того, чтобы намеренно его задеть.

Например, когда Ли Жун не горел желанием спать с ним пять дней в неделю и под предлогом экспериментов, курсовых или экзаменов засиживался в институте. В исследовательском центре была комната отдыха, и ему там вполне хватало тишины. Но Цэнь Сяо было не провести, и порой он совершенно не слушал доводов. Даже если Ли Жуну действительно нужно было работать сверхурочно, тот присылал водителя, и юноше приходилось возвращаться. Ли Жун, разумеется, не скрывал своего недовольства.

Тогда Цэнь Сяо заставлял водителя передать ему телефон и прямо при постороннем называл его «малышом», совершенно не заботясь о том, насколько это было неловко. Так что для прежнего Ли Жуна это слово было связано далеко не с самыми приятными воспоминаниями.

Но теперь он смотрел на вещи проще. Если другие могли называть его «выродком» или «паршивцем», то уж одно «малыш» точно не стоило его расстройств.

Цэнь Сяо на мгновение замер, глядя на влажную росу на листьях кустарника.

— Тебе не холодно?

Ли Жун коснулся кончиком языка щеки изнутри и усмехнулся:

— Нормально.

Если так пойдёт и дальше, на этих пятистах метрах они успеют сменить пятьсот тем. Он уже собирался оставить попытки поговорить, как вдруг Цэнь Сяо протянул руку и коснулся указательным пальцем его мочки уха.

Ли Жун инстинктивно втянул голову в плечи, но не отстранился. Пальцы Цэнь Сяо были горячими, отчего мочка уха показалась ещё холоднее, а ощущение от прикосновения осталось на коже надолго.

— Совсем замёрз, — Цэнь Сяо убрал руку. — Пойдём быстрее.

Ли Жун пришёл в себя, его ресницы мелко дрогнули.

— Угу.

Выйдя из жилого комплекса, они перешли дорогу, миновали один светофор и вскоре оказались у дверей ресторана.

Глаза Цзянь Фу уже почти позеленели от ожидания. Он впервые так долго смотрел на еду, которую нельзя было трогать. Официанты несколько раз подходили с предложением выключить огонь, но он отказывался, свято веря, что Цэнь Сяо и Ли Жун появятся с секунды на секунду.

Цзянь Фу уставился на них с нескрываемой обидой.

— Вам обоим лучше подготовить **ОЧЕНЬ** убедительное оправдание!

Цэнь Сяо расстегнул куртку и повесил её на спинку стула.

— Он чуть не прирезал вора, а я его остановил.

Ли Жун мельком глянул на котел: двойной юаньян, с острым говяжьим жиром и томатным бульоном. Он едва заметно вскинул бровь, аккуратно сложил одежду в пакет и ровным голосом добавил:

— Просто не рассчитал угол. У меня нет склонности к преступлениям.

Цзянь Фу лишь недоумённо уставился на него. На лице парня отразилась сложная гамма чувств.

— Вы это специально для меня сочинили? Я польщён.

Во-первых, он не верил, что этот бледный Ли Жун, который задыхается, пока поднимается по лестнице, способен одолеть вора. Во-вторых, ему казалось, что в этой истории роли перепутаны: это Ли Жун должен был останавливать Цэнь Сяо.

Ли Жун с улыбкой в глазах закатал рукава.

— Если панду довести, она тоже может убить, — он поднял взгляд на сидящего напротив Цэнь Сяо и многозначительно добавил: — Почему ты заказал томатный бульон?

Ему всё чаще казалось, что Цэнь Сяо знает его слишком хорошо. В глубине души закрадывалось подозрение, но оно было совершенно абсурдным. Сам он вернулся на шесть лет назад после того, как его отравили, но Цэнь Сяо-то остался жив. Он никак не мог вернуться вслед за ним.

Цэнь Сяо сохранял невозмутимый вид, зато Цзянь Фу поспешил ответить за него:

— Официант посоветовал! В этом месте два самых известных бульона — острый и томатный. Мы же тут не каждый день бываем, надо же всё попробовать. Ты что, никогда раньше юаньян не ел?

Ли Жун на мгновение замер, глядя на кипящую в котле жидкость, и плотно сжал губы. Значит, официант посоветовал. Значит, заказал Цзянь Фу.

Улыбка медленно сошла с его лица. Он выловил из бульона кусочек разварившегося помидора, но стоило ему попытаться донести его до тарелки, как под нажимом палочек тот развалился и упал обратно в котел.

Возможно, он просто накручивает себя. Может, Цэнь Сяо и в старшей школе был таким же — в конце концов, в то время они не общались. И какие бы сомнения его ни грызли, тот факт, что в его прошлой жизни Цэнь Сяо остался цел и невредим, перечёркивал любые догадки.

Цзянь Фу тут же высыпал тарелку свежей говядины в острый бульон, и бурлящая поверхность мгновенно успокоилась.

— Налетай, чего ждать-то! Если что ещё захотите — дозакажем.

Ли Жун редко ел хотпот, да и желудок его не жаловал острое. Он положил несколько кусочков тофу в томатный бульон и мельком взглянул на Цэнь Сяо. Тот, не колеблясь, отправил вторую порцию говядины в ту же томатную половину.

Цзянь Фу удивлённо покосился на друга:

— Да пусть Ли Жун сам себе закидывает, сколько съест.

— Я тоже буду, — Цэнь Сяо выловил пару кусочков готового мяса и положил в свою миску.

— Ты же всегда только острый ешь? — опешил парень.

— Сказали же, что это местная особенность, — Цэнь Сяо невозмутимо отправил мясо в рот.

Цзянь Фу фыркнул, чувствуя какой-то подвох. Они с Цэнь Сяо были знакомы с детства. Сам он часто поддавался чужому влиянию и легко менял мнение, но его друг всегда был упрям и почти никогда не шёл на поводу у советов. Он и следовал за Цэнь Сяо потому, что тот всегда знал, чего хочет, а Цзянь Фу любил, когда за него всё решают.

Всегда ел только острое, а тут вдруг переключился на томатный? Странно... Но, в сущности, это была такая мелочь, что парень не стал ломать голову.

Ли Жун прищурился, наблюдая, как Цэнь Сяо съедает второй кусок мяса в томате. Это было до пугающего похоже на их прошлую жизнь: он заказывал стол кантонской кухни, и Цэнь Сяо со спокойным лицом ел вместе с ним печёный батат и вонтоны, хотя всё это было слишком пресным для его вкуса.

В те моменты Ли Жун порой впадал в заблуждение, думая, что раз врач запретил ему острое из-за риска обострения гастрита, то Цэнь Сяо просто не хочет искушать его лишний раз. Как и тогда, когда он порезал руку, а тот позволил ему остаться в институте...

Казалось, за всей его одержимостью и безумием скрывалась крупица жалости.

Расправившись с порцией мяса, Цзянь Фу закинул в котел порцию креветочного паштета. Обжигаясь горячим воздухом, он невнятно проговорил:

— Кстати, помните то СМИ, которое мы в столовой видели?

Он имел в виду тех журналистов, которые намекали, что пожертвования Ли Цинли и Гу Нун были сделаны с корыстным умыслом.

Ли Жун пришёл в себя и пододвинул чашку с бинфэнь к приятелю, давая понять, что лучше сначала остыть, а потом говорить.

Тот отхлебнул прохладного желе, с облегчением выдохнул и принял вид человека, от которого ничто не укроется во всём Первом районе.

— Я тогда никак не мог вспомнить, что это за контора, и спросил у одного дяди. У них на них есть досье. Формально это какая-то мелкая провинциальная газетёнка, но инвестор там — начальник учебной части нашего Университета А по имени Лю Таньчжи. В Первом районе подозревают, что за ними стоит «Хунсо», поэтому их взяли на карандаш. Эх, Первый район при упоминании «Хунсо» реагирует так, словно им на G-точку нажали.

Ли Жун вынужден был признать: хоть сравнение и было неловким, суть оно отражало идеально.

Цэнь Сяо выбрал на планшете ломтики батата, сделал заказ и, погасив экран, спросил:

— Как они подтвердили связь с «Хунсо»? В такой ситуации можно сказать лишь, что это рупор Университета А.

Начальник учебной части — не такая уж высокая должность в масштабах университета. На каждом факультете по пять-шесть таких начальников и их замов, которые занимаются расселением студентов да вопросами пропаганды.

Цзянь Фу загадочно улыбнулся:

— Сама она, может, и никто, но её муженёк — профессор в «Хунсо». Думали, такой дешёвый трюк нас проведёт? Ха! Его зовут Ли Байшоу. Слышали о таком?

<http://bllate.org/book/15351/1421368>